

СЛАВЯНСКИЙ СТИХ

VII

ЛИНГВИСТИКА И СТРУКТУРА СТИХА

Под редакцией М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 81.2Р
С 47

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16114

С 47 Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха / Под ред.
М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. – М.: Языки славянской культуры,
2004. – 488 с. – (Studia poetica).

ISBN 5-9551-0027-X

Книга включает разделы, представляющие основные направления стиховедения на данный момент: различные типы лингвистического анализа стиха на всех уровнях его организации: фонетика и интонация, ритмика и метрика, морфология, синтаксис, семантика, стилистика, математические методы. Исследуются как закономерности организации стихотворной строки и стихотворного текста на каждом из лингвистических уровней, так и взаимодействие уровней: так, ритмика стиха может задавать его частеречевое наполнение и синтаксис (статьи М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой), деление на строки — определенную интонацию (Л. В. Златоустова), использование определенных метров — определенную семантику и т. д. Рассматриваются время и пространство в стихотворном тексте, использование слов с определенной временной семантикой в стихотворном тексте, ритмика слов и предложений в русском языке и многие другие проблемы современного лингвистического стиховедения. При сравнительно небольшом объеме книга включает как работы практически всех наиболее известных современных исследователей стиха, так и наиболее яркие статьи молодых исследователей.

ББК 81.2Р

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие	7
-----------------------	---

МЕТРИКА И РИТМИКА

<i>С. Е. Ляпин, М. С. Ляпина.</i> Акцентное строение русской речи: слово — предложение — стих	11
<i>Д. Урбанска.</i> Стих польских переводов «Илиады»	29
<i>Е. В. Казарцев, М. А. Красноперова.</i> «Ода... на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого стиха	33
<i>А. Н. Попов.</i> Полиметрические композиции в русской литературной кантате второй половины XVIII — первой половины XIX вв.	47
<i>Ч. Л. Дрейдж.</i> Алкеева строфа в русской поэзии	59
<i>С. И. Кормилов.</i> Неклассический стих в лирике А. А. Фета и классичность его метрического сознания	75
<i>А. С. Мухин.</i> Ранние дольники А. Блока	90
<i>Ю. Б. Орлицкий.</i> Стихотворная цитата в прозаическом тексте (к типологии цитатного прозиметрума)	106
<i>Н. В. Костенко.</i> О государственных размерах в украинской поэзии (попытка комментария к «Записям и выпискам» акад. М. Л. Гаспарова) . . .	131
<i>Б. П. Шерр.</i> Начиная с начала: заметки о стихосложении Леонида Мартынова	137

РИТМ, СИНТАКСИС, СТИЛЬ

<i>М. Л. Гаспаров.</i> Ритмико-синтаксические клише и формулы в эпилоге «Руслана и Людмилы»	149
<i>Т. В. Скулачева.</i> Стих и проза: семантические различия	167
<i>Н. А. Кожевникова.</i> Внутрстиховой параллелизм в русской поэзии XIX—XX вв.	179
<i>Л. А. Кузьмин.</i> Корреляции между семантическими и валентностными классами прилагательных в русской и английской поэзии XX века	195

<i>С. А. Матяш.</i> «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе	206
<i>Э. М. Береговская.</i> Градация и стихотворный текст	221

РИТМ, ЛЕКСИКА, СЕМАНТИКА

<i>М. И. Шапир.</i> Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта)	233
<i>Л. Г. Панова.</i> Поэтический узус миги... дни... века в русской поэзии от А. С. Пушкина до акмеистов	281
<i>И. А. Пильчиков.</i> Язык классической элегии: лексика, фразеология, формулы и клише (предварительные замечания)	296
<i>М. В. Акимова.</i> Семантика 4-стопного дактиля с односложным цезурным усечением в русской поэзии XVIII — начала XIX вв.	307
<i>М. А. Красноперова, Т. Б. Шлюшенкова.</i> О семантических отношениях ритмообразующих единиц в русской поэзии XIX—XX вв.	319

ФОНЕТИКА, РИФМА, СТРОФИКА

<i>Дж. Т. Шоу.</i> Части речи в рифмах Пушкина	339
<i>Дж. Бейли.</i> Один возможный источник неточных рифм Державина	385
<i>И. К. Лилли.</i> Одическое десятистишие четырехстопного ямба АБАБ ВВ-гДДг. Динамика глагольных рифм	393
<i>Л. Пцоловска.</i> Жуковский, Мицкевич и русская строфика	403

ТОЧНЫЕ МЕТОДЫ В СОВРЕМЕННОМ СТИХОВЕДЕНИИ

<i>М. А. Красноперова.</i> Грамматика и семантика ритмического текста в реконструктивном моделировании стихосложения (к постановке проблемы)	411
<i>В. С. Баевский, Н. А. Семенова.</i> Эволюция лирического стиха как основа периодизации творческой биографии поэта: кластерный и корреляционный анализ (Пушкин, Гумилев, Пастернак)	421
<i>С. Н. Андреев.</i> Соотношение разноуровневых признаков в стихотворном тексте	437
<i>В. С. Баевский, И. В. Романова, Т. А. Самойлова.</i> Тематические парадигмы русской лирики XIX—XX вв.	450
<i>В. С. Баевский, В. И. Голубков, Л. В. Павлова, М. Л. Рогацкина.</i> Онегинская строфа в свете деструктивно-конструктивного эксперимента (компьютерное исследование)	468
<i>В. С. Баевский, Л. В. Павлова, И. В. Романова, Т. А. Самойлова.</i> На пути к созданию единой теории поэтической фонетики	477

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это — третий сборник, выходящий под заглавием «Славянский стих»: два предыдущих вышли в 1995 и 2001 гг. Изучение русского и славянского стиха — это передовой край современной науки о стихе; изучение романского, германского и других стихосложений все чаще берет с него пример. Здесь осваиваются новые темы и методы, важные для развития стиховедения в целом.

Стиховедение — дисциплина на стыке двух наук — литературоведения и лингвистики. Опираясь на опыт лингвистики как более научной из этих двух дисциплин, стиховедение в последние годы активно расширяет поле своей деятельности. Оно все чаще выходит за пределы традиционного тематического четырехугольника: «метрика — ритмика — рифма — строфика», чтобы исследовать, как влияют метр, ритм и рифма на грамматику, синтаксис, фонетику и семантику стихотворного текста.

Строки стиха организованы ритмом, ритм заставляет слова определенного строения тяготеть к определенным местам строки. Благодаря этому по строке своеобразно располагаются существительные, прилагательные, глаголы с их синтаксическими связями, а иногда и лексическим наполнением, образуя в конечном счете ритмико-синтаксические клише и формулы. Это показывают статьи М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой, И. А. Пильщикова. На этом фоне по-новому осмысляются и многие другие явления стихотворного синтаксиса и стиля — переносы длинных предложений из строки в строку (статья С. А. Матяш), подчеркнутые синтаксические параллелизмы (статья Н. А. Кожевниковой) и фигуры градации (статья Э. М. Береговской).

Сама иерархия стихового строя оказывается параллельна иерархии языкового строя, сложно с нею взаимодействуя, — об этом пишут С. Е. Ляпин и М. С. Ляпина. При этом стиховой строй может опираться на языковой строй не только собственного языка, но и иного, ощущаемого как образец. Это смелая гипотеза М. А. Красноперовой и Е. В. Казарцева. Конечно, стих при любом употреблении ощущается всегда в соотношении с прозой — один из новых аспектов такого соотношения представлен в статье Ю. Б. Орлицкого.

Звуковая фактура стиха вступает во взаимодействие с его смысловым содержанием, создает дополнительные связи и переклички. На интересном материале это показывают М. А. Красноперова и Т. Б. Шлюшенкова. Литературная традиция устанавливает устойчивые ассоциации между стихотворными размерами и смысловым содержанием целых поэтических жанров. Это — предмет статьи М. В. Акимовой.

Нетрадиционные размеры на фоне классической тематики и стилистики создают особенный художественный эффект — это исследуется в статьях Ч. Дрейджа и С. И. Кормилова. Точно так же воспринимаются и нетрадиционные рифмы на фоне традиционных — об этом пишет Дж. Бейли. А в употреблении традиционных рифм открываются новые, ранее не замеченные подробности, — этому посвящена статья Дж. Т. Шоу.

Стиховые, стилевые и идейно-образные особенности поэтической манеры складываются в неповторимый авторский идиостиль: здесь становится возможным применять и такое понятие, как «идеология идиостиля», — это делает М. И. Шапир в большой статье о стиле Б. Пастернака. Н. В. Костенко решается даже иронически говорить о «государственных размерах» в недавней советской поэзии.

На этом фоне по-новому выглядят и традиционные литературоведческие темы, рассматриваемые с лингвистической точки зрения, такие, как образы времени и пространства в поэтическом тексте. В статье Л. Г. Пановой они рассматриваются на материале творчества О. Мандельштама в сопоставлении с его современниками и предшественниками. Точно так же и традиционные стиховедческие темы, рассмотренные детальнее обычного, дают новые интересные результаты: полиметрия русской кантаты XVIII—XIX вв., в статье А. Н. Попова; ритм ранних дольников Блока в статье А. С. Мухина; семантика рифм в одической строфе, анализируемая И. Лилли; эволюция употребления балладной строфы в переводах и подражаниях на других языках с точки зрения Л. Пцоловской.

Последний раздел сборника, как всегда, посвящен новым методам анализа стиха, открывающим путь к сколь можно более объективным и доказательным выводам из стиховедческих исследований.

Все работы, представленные в сборнике, были доложены на VII международной стиховедческой конференции в Смоленске 26—30 июня 2001 г.

АКЦЕНТНОЕ СТРОЕНИЕ РУССКОЙ РЕЧИ: СЛОВО — ПРЕДЛОЖЕНИЕ — СТИХ*

В русском языке словесное ударение выполняет различные функции. Совершенно особая функция ударения — *ритмообразующая* (о ней обычно говорят в связи с анализом ритма художественной речи). Собственно, здесь мы сталкиваемся с не вполне совпадающими (хотя и взаимосвязанными) двумя явлениями: языковым и ритмическим. Их различие и их идентификация — это отдельная, малоизученная проблема. Именно этой проблеме посвящено, в первую очередь, наше исследование.

К. Ф. Тарановский в статье «О ритмической структуре русских двусложных размеров», опираясь на известные данные Г. А. Шенгели (о частотности в русской прозе различных типов акцентных единиц [7]), писал: «...» русское ударение сильно центрировано: точкой отсчета для него является идеальная середина слова. Для наиболее полного проявления русское ударение нуждается в двух безударных «скатах» [5: 277]. Из этой формулировки и некоторых дополнительных разъяснений Тарановского [5: 276–279], в целом согласующихся с точкой зрения Шенгели [7: 20–21], можно заключить, что принципиально важными здесь признаются два момента: 1) безусловное, по мнению обоих исследователей, тяготение русского ударения к центральному слогу фонетического слова¹ (в словах с четным числом слогов — к любому из двух средних); 2) стремление ударного слога оказаться между — по крайней мере — двумя

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки ведущих научных школ № НШ-2173.2003.6. (научная школа М. Л. Гаспарова).

¹ Об условности терминов *фонетическое слово*, *акцентная единица* см., напр.: К. Ф. Тарановский, «Основные задачи статистического изучения славянского стиха» [5: 234–236]. Из дальнейшего изложения станет понятным наше стремление приблизить оба термина к понятию «малого ритмического» слова, введенного А. Н. Колмогоровым и А. В. Прохоровым [2: 114–123]; этот, последний (не являющийся общеупотребительным), термин в полной мере отвечает принятому нами способу членения речи. Ср. примеч. 2.

безударными слогами. Оба эти положения обычно принимаются как очевидный факт, и однако первая же несложная проверка вскрывает их внутреннюю противоречивость. Мы рассмотрим проблему на материале художественной прозы Пушкина, наша основная выборка — полный текст трех произведений: «Пиковая Дама», «Мятель», «Гробовщик» — всего 9628 фонетических слов (дополнительный учет иностранных слов и условных обозначений увеличивает эту цифру до 9685, но такие различия, понятно, практического значения не имеют).

Наши данные о «ритмическом словаре» прозы (пушкинской) (см. табл. 1) хорошо согласуются с широко известными аналогичными подсчетами Г. А. Шенгели, Б. В. Томашевского, М. Л. Гаспарова и других исследователей².

Таблица 1

Уровень ударности слога	Слоги слева		Средний слог	Слоги справа				
	от середины слова			от середины слова				
1-сложные слова			100 %					100 % 987
3-сложные слова			24 %	46 %	30 %			100 % 2925
5-сложные слова		1 %	20 %	43 %	33 %	3 %		100 % 627
7-сложные слова	—	3 %	10 %	26 %	58 %	3 %	—	100 % 31
9-сложные слова	—	—	—	—	—	100 %	—	100 % 1
								Всего: 4571

Уровень ударности слога	Слоги слева		Середина слова		Слоги справа			
	от середины слова				от середины слова			
2-сложные слова			45 %	55 %				100 % 3092
4-сложные слова		6 %	40 %	45 %	9 %			100 % 1770
6-сложные слова	1 %	6 %	32 %	47 %	13 %	1 %		100 % 186
8-сложные слова	—	—	11 %	—	44 %	44 %	—	100 % 9
								Всего: 5057

² Мы не приводим (кроме некоторых фактов, представляющих самостоятельный интерес; см. ниже) результатов сопоставления *различных способов разметки ударений* в русской прозе: достаточно констатировать очень близкое совпадение наших подсчетов по «Пиковой Даме» с известными аналогичными данными (указаны в скобках) Колмогорова и Прохорова (ср. примеч. 1; курсивом набраны слоговой объем слова (цифра перед точкой) и порядковый номер ударного слога в нем (цифра после точки); за 100 % здесь принято *общее количество слов* в полном тексте «Пиковой Дамы»): 1.1 — 10.6 % (10.2 %); 2.1 — 15.3 % (15.0 %); 2.2 — 17.2 % (17.0 %); 3.1 — 7.1 % (7.2 %); 3.2 — 13.7 % (13.8 %); 3.3 — 9.0 % (9.1 %); 4.1 — 1.2 % (1.3 %); 4.2 — 7.0 % (7.5 %); 4.3 — 8.3 % (8.1 %); 4.4 — 1.6 % (1.8 %); 5.1 — 0.1 % (0.1 %); 5.2 — 1.3 % (1.4 %); 5.3 — 2.5 % (2.6 %); 5.4 — 2.0 % (2.2 %); 5.5 — 0.2 % (0.3 %); 6.1 — 0.02 % (0.02 %); 6.2 — 0.1 % (0.1 %); 6.3 — 0.5 % (0.6 %); 6.4 — 0.8 % (0.8 %); 6.5 — 0.3 % (0.4 %); 6.6 — — (—); 7.1 — — (—); 7.2 — — (—); 7.3 — 0.02 % (0.02 %); 7.4 — 0.1 % (0.1 %); 7.5 — 0.2 % (0.2 %); 7.6 — 0.02 % (0.02 %); 7.7 — — (—); 8-сл. — 0.1 % (0.1 %); 9-сл. — 0.02 % (0.02 %); 10-сл. — — (—) [2: 133]. Ср. выше табличные данные, полученные нами по основной выборке («Пиковая Дама», «Мятель», «Гробовщик»); тот же подсчет (абсолютная встречаемость) см. — приложение 1.

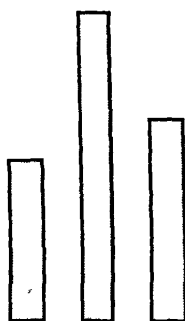
Из таблицы 1 видно, что наиболее «выразительным» и статистически значимым является распределение ударений в трех- и пятисложных фонетических словах. Действительно, они, с одной стороны, составляют более трети (36.9 %) всех зарегистрированных нами слов, а с другой, — именно к этим словам с наибольшим, на первый взгляд, основанием может быть отнесен тезис о «центрированности» ударного слога: средний слог здесь чаще других оказывается под ударением, симметрия же в общем распределении ударений лишь незначительно нарушена слабой облегченностью «левой половины» слова (см. табл. и диагр. 1 и 1'). Однако нетрудно убедиться, что эта (существенно усредненная!) картина обманчива. Чтобы показать это, перейдем к дифференцированному учету слов; будем различать 1) графически целостные фонетические слова (напр., *однажды, барышня, проиграл* и т. д.)³ и 2) составные (графически расчлененные) фонетические слова (напр., *и только, если бы, не успел* и под.).

При таком *раздельном* учете получается совсем другой результат: тезис о центрированности ударения в фонетическом слове (понимаемой как принцип и как общая тенденция) не подтверждается. Если в случае графически *нерасчлененных* фонетических слов «акцентная симметрия» в целом сохранилась, то слогаударная структура *составных* слов оказалась абсолютно асимметричной: сильнейшая тенденция сдвигает здесь ударение к концу слова (см. диагр. 2-б и 2'-б; в трехсложных составных словах максимум ударности (55 % всех случаев) приходится на *последний* слог, то есть здесь наиболее типичными оказываются слова типа — *у него, и тогда, не могли, изо всей* и т. д.; уровень ударности *среднего* слога — ниже на 15 %, первого — на 50 %). (То же мы наблюдаем и в самом общем случае⁴.) В чем причина подобного расхождения? Чтобы ответить на этот вопрос, попытаемся воспользоваться оценками, приведенными в статье В. А. Никонова [4], посвященной обсуждаемой проблеме. Никонов обратил внимание на следующий факт⁵: в русском языке (...) меньше одного процента ударений приходится на приставку, менее 10 проц. на флексию, от 10 до 18 проц. на суффикс и 70—80 проц. на корень». А значит — неизвестно: (...) потому ли ударенье тяготеет к середине слова, что там чаще всего находится корень, или потому оно чаще падает на корень, что это обычно середина слова» [4: 5]. Но, как мы сейчас выяснили, в случае *составных* фонетических слов центрированность ударения отсутствует, и таким образом, неопределенность автоматически снимается. Правда, отказаться от «фонетического» объяснения сразу нельзя: надо прежде исключить из рассмотрения слова с более чем односложной и с более чем одной проклитикой (энклитикой).

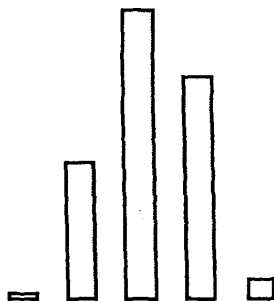
³ К этой же группе (условно) мы относим сочетания со служебными словами, не содержащими гласных.

⁴ См. приложение 1.

⁵ Мы не можем, однако, согласиться с *выводами*, к которым приходит автор статьи.

1. 3-сложные слова: 24 % 46 % 30 % (ударение на слоге)

1'. 5-сложные слова: 1 % 20 % 43 % 33 % 3 % (ударение на слоге)

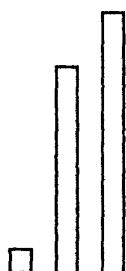
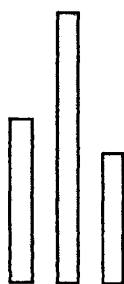
Диаграммы 1 и 1'

2. 3-сложные слова

a

б

в

29 % 48 % 23 %

ОДНАЖДЫ
БАРЫШНЯ
ПРОИГРАЛ

5 % 40 % 55 %

НО СПЕРВА
И ДАЖЕ
ДОЛГО ЛИ

33 % 50 % 17 %

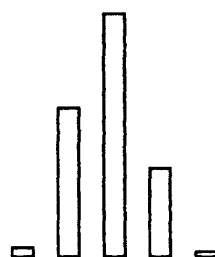
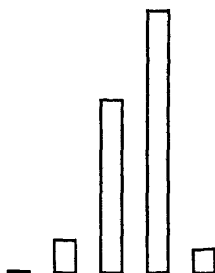
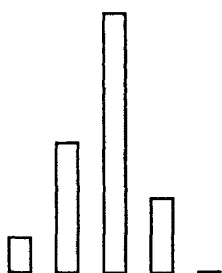
⟨НО⟩ СНАЧАЛА
⟨О⟩ БАРЫШНЕ
⟨НЕ⟩ УТЕРПЕЛ

2'. 5-сложные слова

a

б

в

2 % 30 % 49 % 18 % 1 %

однажды
барышня
проиграл

- 7 % 35 % 53 % 5 % -

но сперва
и даже
долго ли

7 % 26 % 52 % 15 % -

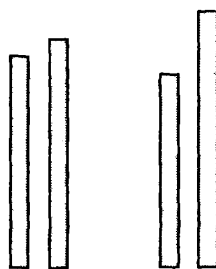
⟨но⟩ сначала
⟨о⟩ барышне
⟨не⟩ утерпел

Диаграммы 2 и 2'

3. 2-сложные слова

а

б

48 % 52 % 43 % 57 %

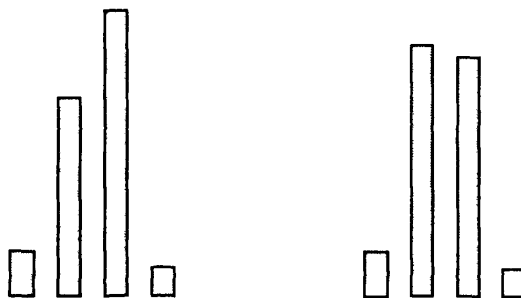
другой <о>другом

ПРОЧИЙ <О>ПРОЧЕМ

3'. 4-сложные слова

а

б

8 % 44 % 42 % 5 %

однажды но сперва

БАРЫШНЯ И ДАЖЕ

ПРОИГРАЛ ДОЛГО ЛИ

8 % 36 % 52 % 5 %

<но> сначала

<О> БАРЫШНЕ

<НЕ> УТЕРПЕЛ

Диаграммы 3 и 3'

Этому требованию удовлетворяют два следующих контрольных подсчета.

Сначала в нашем материале (проза Пушкина) были найдены и проанализированы все графические трех- и пятисложные слова, которым предшествует одно проклитически безударное односложное слово, например: *(но) сначала*, *(о) барышне*, *(не) утерпел* и т. д. Оказалось, что ударение в этих *графических* словах центрировано — как и в соответствующих *фонетических* (нерасчлененных) словах (ср. диагр. 2(а) и 2(в), 2' (а) и 2' (в)). Это дает принципиальный ответ на главный вопрос: теперь можно определенно утверждать, что распределение ударений в слове в основном предопределяет не фонетический, а грамматический фактор. Остается лишь проверить: не стремится ли звуковой строй языка противодействовать (пусть слабо) той сильнейшей тенденции к слогу-ударной асимметрии, которая возникает в составных фонетических словах — вследствие, как можно предположить, высокой употребительности в русском языке проклитик (прежде всего это союзы, предлоги и частицы *не*, *ни*) и сравнительно низкой частотности энклитик (в основном это частицы *же*, *ли*, *бы* и др.). Для этого мы рассмотрим *двусложные* и *четырёхсложные* графические слова, входящие в состав (соответственно) трех- и пятисложных фонетических слов с односложной проклитикой. Подсчеты вскрывают неожиданный факт: в отобранных таким образом словах ударение оказывается отчетливо смещенным — но не к началу, а к *концу* слова (диагр. 3-б и 3'-б)! — сравнительно с фонетическими, графически целостными двусложными и четырёхсложными словами (диагр. 3-а и 3'-а). Иначе говоря, сочетаниям с центральным положением ударения, — вроде: *на свете*, *по смыслу*, — предпочитают сочетания с *конечным* ударным слогом — типа: *на земле*, *по всему*. И все же сам по себе этот факт не является еще доказательством *безусловного* стремления русского языка к смещению ударения к концу слова (что означало бы наличие устойчивой тенденции, «преодолевающей» безударность послекорневой его части): как мы увидим, функционирование фонетических слов различной структуры (например) в русском предложении носит довольно сложный характер. Ясно другое: в механизме формирования русского фонетического слова принцип центрированности ударения отсутствует.

Этот вывод особенно важен вот почему. К. Ф. Тарановский основывал на этом, не подтвердившемся, принципе действие известного, сформулированного им, «закона стабилизации в русском стихе первого междубезударного ударения» [5: 274–279; 1: 178]. И неудивительно, что, подобно невыполнению в русском языке, в целом, рассмотренного «принципа», в стихе также, — как показала простая проверка, — не выполняется сформулированный Тарановским закон. В качестве материала мы выбрали одический стих Державина (равнодушные которого к ритмическому качеству рассмотренных ниже II-й и III-й форм

четырехстопного ямба установлено в недавнем исследовании [3]). В нескольких выборках из державинского четырехстопного ямба нами были проанализированы все трехударные строки, начинающиеся пятисложным словом. Оказалось, что, в полном соответствии с рассмотренной выше языковой тенденцией, графическая расчлененность — нерасчлененность слова существенно влияет на формирование стихотворной строки: 1) графически *не расчлененные* пятисложные слова достаточно употребительны в стихах с пропуском *второго* схемного ударения (например: *Несмысленную чернь прельщает, Составившие россос род*); 2) слова с *проклитикой* напротив — «стабилизируют» второй икт (*Для возлюбивших правду глаз, И благодарны слезы лить* и т. д.; здесь ударение на первом икте отмечено нами в единственном (и то — спорном⁶) случае: *И в логовице лег медведь*, — хотя языковая вероятность позволяет ожидать несколько большую встречаемость подобного типа стихов).

Ясно, что никакой реальной «стабилизации» первого икта в державинском ямбическом стихе не происходит, — слова распределяются здесь в целом случайно, в соответствии с языковой вероятностью. Именно поэтому рассмотренная нами ситуация с составным начальным словом не противопоставлена в системе русского стиха аналогичной ситуации в четырехстопном хорее, которая (формально) получится при отбрасывании проклитики в начале стиха⁷; действительно, мы можем констатировать употребительность стихов типа: *И в развращенном сердце мнишь, И башмаками в лад стучат* (ямб); *Башмаками в лад стучат, В развращенном сердце мнишь* (хорей); — и неупотребительность стихов (исчезающе малое их количество) вроде: *И страждущему в жизни сей* (ямб) — *Страждущему в жизни сей* (хорей). Сам же этот факт логически завершает наши наблюдения над отдельным фонетическим словом: можно утверждать, что в самом общем случае русское фонетическое слово безразлично⁸ к положению в нем ударения — как в системе языка, так и в стихотворной речи.

Перейдем к рассмотрению *акцентной структуры предложения*.

Эта проблема была поставлена Б. В. Томашевским в его известной статье «Ритм прозы», там же даны примеры *конкретных наблюдений* над структурой художественной речи (на материале первых трех глав «Пиковой Дамы» Пушкина [б: 254–318]). Центральный вопрос здесь — это размещение слов в предложении. И прежде всего — те «аномальные» явления, которые были восприняты Томашевским как явления «ритма прозы».

⁶ Ср. (малоупотребительный) вариант: *логовице*.

⁷ Обе эти ситуации (примеры см. ниже) обусловлены одними и теми же свойствами языка (ср. приложение 1). А между тем, «закон Тарановского» должен был бы «стабилизировать» в ямбе первый икт, а в хорее — второй.

⁸ Речь, понятно, идет об отсутствии собственно фонетических, «ритмообразующих» тенденций.

Рассмотрим *начало* предложения: именно «*приступ*», «*зачин*» принято считать наиболее показательным компонентом его структуры⁹. По мнению Томашевского: ⟨...⟩ для зачина характерно чисто хореическое слово типа:

Твердость твоя для меня удивительна...
В первый раз в жизни она дошла...
С нею был коротко знаком...
Старый чудака явился тотчас...
Деньги тут не нужны...
 и т. п.

⟨...⟩» [6: 294].

Вот данные о встречаемости хореических слов (акцентных единиц) в предложении, полученные нами вслед за Томашевским на материале первых трех глав «Пиковой Дамы»:

начальная позиция — 21.1 %,
 вторая и третья, в среднем — 15.4 %.

Действительно, цифры убедительно свидетельствуют о резком падении (почти в полтора раза) частотности хореических слов¹⁰, что, казалось бы, должно означать их отчетливое стремление занять в предложении начальную позицию. Однако такой вывод был бы абсолютно ошибочным: все дело здесь в *единственном* слове. Это слово — *Германн*, — фамилия героя повести. Оно открывает предложение 24 раза¹¹, а на последующих двух позициях встречается, соответственно, один и три раза (то есть его употребительность падает более, чем в десять раз). Вот данные по *остальным* хореическим словам:

начальная позиция — 14.9 %,
 вторая и третья, в среднем — тоже 14.9 %¹².

Подобное — абсолютное — совпадение значений показателя (мы нарочно сохраняем избыточную точность) не оставляет сомнений в том, что собствен-

⁹ Ср.: по мысли Томашевского, обнаруженные им явления ⟨...⟩ создают особенную картину прозаического зачина, как будто первое слово выкинуто за пределы нормального течения речи и поставлено в какие-то совершенно особые условия. Оно является чистым носителем интонации приступа ⟨...⟩» [6: 294].

¹⁰ Томашевский пришел к аналогичному выводу, анализируя данные *раздельного учета* 1) ударений и 2) словоразделов.

¹¹ Ср.: *Германн* был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. ⟨...⟩ *Германн* остановился. ⟨...⟩ *Германн* затрепетал. ⟨...⟩ *Германн* увидел свежее личико и черные глаза. — И т. д.

¹² Ср. суммарные данные по «Мятели» и «Грбовщику» (хореические слова (-U)): начальная позиция — 17 %, вторая и третья, в среднем — 16 %; без учета наиболее частотного слова *Марья* (*Марья Гавриловна* — имя героини повести «Мятель»): начальная позиция — 15 %, вторая и третья, в среднем — 16 %.

но фонетический тип слова не маркирует, вопреки мнению Томашевского, начала предложения. Причины «акцентных аномалий» имеют здесь другую природу. Ясно, что одна из причин — это резкая неравномерность распределения в тексте произведения «доминантных» слов (как мы только что убедились, таким доминантным словом может быть имя главного героя произведения); эти слова в определенных условиях существенно влияют на среднестатистический облик предложения, фразы, выполняя ту или иную (композиционную, ритмико-стилистическую и т. д.) функцию в произведении. У Пушкина тенденция, отмеченная нами на материале «Пиковой Дамы», отличается известным постоянством. Вот данные по двум другим пушкинским произведениям —

1) «Выстрел», встречаемость дактилических слов (—UU):

начальная позиция — 11 %,
вторая и третья, в среднем — 6 %;

без учета «доминантного» слова *Сильвио*:

начальная позиция — 5 %,
вторая и третья, в среднем — 6 %

(«Пиковая Дама», «Мятель», «Гробовщик» — в среднем:

начальная позиция — 6 %,
вторая и третья, в среднем — 7 %);

2) «Гробовщик», встречаемость анапестических слов (UU—):

начальная позиция — 15 %,
вторая и третья, в среднем — 11 %;

без учета «доминантных» слов — *гробовщик*, *Адриан*¹³:

начальная позиция — 6 %,
вторая и третья, в среднем — 10 %;

(«Пиковая Дама», «Мятель» — в среднем:

начальная позиция — 8 %,
вторая и третья, в среднем — 7 %).

Можно продолжать этот ряд и дальше.

Возникает вопрос: не является ли фонетический облик слова для писателя несущественным, вовсе безразличным? По-видимому, такой вывод был бы тоже ошибочным; однако надо различать несколько аспектов данной проблемы.

Первый связан с наблюдениями Томашевского над собственно акцентными отношениями в предложении. Укажем, например, на весьма частое, встреча-

¹³ Вот отдельные (совпадающие!) данные об этих двух словах: 15 раз встречается в повести слово *гробовщик*, и 15 — *Адриан*; 6 раз каждое из слов открывает предложение.